

Дарья Кузнецова

СЛОВО ИМПЕРАТОРА
СЛУЧАЙНЫЕ ГОСТИ
Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ!
СПАСИТЕЛЕЙ НЕ ВЫБИРАЮТ
АБОРДАЖНАЯ ДОЛЯ
ЧИСТЫЙ ЛИСТ
ОБРАЗЦОВЫЙ САМЕЦ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Дарья Кузнецова

Образцовый самец

Фантастика • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2020

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К89

Серия основана в 2011 году
Выпуск 541

Художник
Е. Никольская

Кузнецова Д. А.
К89 Образцовый самец: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 280 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3081-9

Мне повезло выжить при аварии на космической станции и попасть на обитаемую планету, жители которой оказались радушны, дружелюбны и очень похожи на людей. Вот только странности их множатся, а идеальность начинает всерьез пугать.

Хорошо, что попала я сюда не одна, а в компании настоящего полковника со спецназовским прошлым. Он хмур, грубоват, но зато — профессионал, который не даст погибнуть и даже, может быть, вернет нас домой.

А главное, он настоящий. И на фоне аборигенов его недостатки все больше мне нравятся!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3081-9

© Кузнецова Д. А., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

Глава 1

МАЛЕНЬКИЙ БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ

Когда на станцию напали, в это поначалу никто не поверил.

Обитавших здесь специалистов можно понять: служба безопасности так часто проводила учения в условиях, приближенных к боевым, что работники попросту перестали обращать на них внимание. Если в самом начале все дисциплинированно прятались там, где велел план обороны, то вскоре людям просто надоело тратить по два-три часа рабочего времени на ерунду. Идут эксперименты, прерывать их — неприятно, порой — очень сложно, порой — губительно для результатов, полученных за многие месяцы работы, а иногда даже и опасно.

Когда во время одной из тревог у генетиков сдохла какая-то очень ценная культура, научный руководитель «Черного лебедя» взбунтовался. И уже полгода длилась его партизанская война против начальника службы безопасности. На стороне первого выступало большинство ученых, на стороне последнего — почти весь ненаучный персонал. Они-то здесь отбывали вахту, а среди нашей братии борьба за место на новой станции порой в прямом смысле слова доходила до драк. И стоило ли это выдерживать, чтобы зря тратить время на месте!

Капитан станции, человек ответственный и серьезный, контролировавший на вверенной территории почти все, именно в этот вопрос не лез. Поскольку не лез не только он, но и высшее руководство, чуялся в этой кон-

фронтации некий политический душок: похоже, спорили между собой не только два начальника, но и их покровители на самом верху. Впрочем, рядовых обитателей станции это мало заботило, главное, выговоров нам не делали и взысканиями не грозили.

В общем, когда истошно взвыла сирена, работы продолжились согласно утвержденному плану.

Мы с Леночкой как раз в этот момент спешили с обеда в макетный зал. Программисты должны были закончить расшифровку данных, полученных зондом «ЧЛР-46», которые сулили отличные перспективы.

— Василиса Аркадьевна, мы же не побежим в укрытие? — с надеждой спросила Лена, когда мы, вжавшись в стену, пропустили мимо маленькое стадо мужиков в легкой броне.

— Делать нам больше нечего! — согласилась я, продолжая путь. — Что-то черный полковник развоевался, суток же не прошло с прошлых учений!

Под сутками я по здешней привычке подразумевала период оборота двойной звезды, вокруг которой вращалась станция — чуть больше пяти с половиной земных. Новички обычно путались, но быстро привыкали.

— Может, проверка какая-нибудь?

— Думаешь, Гаранин все-таки выбил? — Я засомневалась. — Через голову Дениса Саныча?

— Ой, что тогда буде-ет! — протянула Леночка с восхищенным ужасом.

Остроту и пикантность ситуации с противостоянием придавал тот факт, что научрук тоже военный и они с безопасником в одном звании. Но наш Баев, белый полковник — старше, биолог из военной науки, мужчина большого ума и чуткости, а Гаранин — из боевиков, в полном смысле слова солдафон. Местные легенды расширяли его послужной список на все военные столкновения последних тридцати лет и наделяли всеми воз-

можными наградами, но это добавляло ему любви только девочек из снабжения и аппаратной.

Черный и белый — конечно, по шахматной аналогии, да и внешне им подходило. Научрук благородно сед и чаще всего в халате, начбез — смуглый брюнет в черном форменном комбинезоне.

Когда мы вошли в макетный зал, один из огромных типов в броне наставил на нас нечто большое, агрессивного вида. Оружие, конечно.

— Вы обе, быстро туда! — Он махнул стволом в сторону.

— Не повышайте так децибелы, мы не глухие, — недовольно ответила я, но прошла, куда велели. Не из уважения, нам именно туда и нужно было.

В этот момент еще один в броне подскочил к пульта управления шлюзом и что-то начал с ним делать. На мгновение немного упала гравитация: отсек перешел на автономное существование.

— Да что вы себе позволяете! — подскочил к ним Андерсен, начальник программистов. — Прекратите ломать технику! Согласно штатному расписанию вы не имеете права!..

К шлюзу обернулись все: у Джеймса крайне мерзкий и громкий голос. А еще он очень настырный и тошнотворно-правильный, связываться — себе дороже. Всех интересовало, как вояка станет выкручиваться.

Но он не стал. Выстрелил в голову. Та лопнула с тихим сухим звуком.

Немую сцену длиной в пару секунд разорвал слаженный визг Леночки и Ольги с другого конца зала.

— Всем заткнуться! — заорал один из бронированных. — Собраться в этом углу! Бегом! На пол!

Я, поспешно отведя взгляд от мерзкого зрелища, одной рукой обхватила свою аспирантку за плечи, второй — зажала ей рот и, шепотом попросив вести себя тихо, потащила туда, куда приказали. Перед глазами как

наяву встала очередная памятка из разряда «если вдруг», которые, конечно, никто никогда не учит и читают только для того, чтобы убить время. Но вот, поди ж ты, врезалась в память!

Не спорить с террористами. Молчать. Не смотреть в глаза. Не ругаться, не качать права, сидеть и тихонько ждать спасения.

Если, конечно, Гаранин не обидится на бестолковых штатских и станет нас спасать. Я бы на его месте не спешила...

Тех, кто проявил меньшую расторопность, бронированные награждали тычками, стоня в кучу, как скот. Не знаю, почему начали только сейчас. Может, до сих пор пользовались полным равнодушием со стороны работников, чтобы «окопаться» здесь?

На пяточке, где разместили заложников, обычно проводили совещания и презентации, для чего из пола «выращивали» стулья и подгоняли проектор. Но сейчас тут было пусто, обеспечивать нас удобствами не спешили.

Тринадцать человек, десять моих и трое выделенных программистов, сконцентрировались возле меня и Майка, коллеги ныне покойного Джеймса. В отличие от начпрога, его зама на станции любили: редкий специалист, обаятельный, да еще симпатичный спортивный парень. Он и сейчас прикрывал широкими плечами остальных женщин — киберумницу Ольгу и физика-ядерщика Хему, мою подругу. Перед нами с Леной, прижавшимися к стенке, тоже уселись хмурые мужчины.

Порыкивания и окрики бронированных пресекли все разговоры и вопросы. Сбор заложников, к счастью, обошелся без новых трупов. Останки начпрога оттащили куда-то в другой угол, находящийся вне поля нашего зрения, за что я была искренне благодарна.

— Василиса Аркадьевна, что им от нас надо? — всхлипнула Леночка.

— От нас, наверное, ничего, — ответила честно. — Скорее уж от правительства...

— Эти из «Последнего дня», — через плечо шепнул Амадео Тотти, мой зам.

— Заткнулись! — рявкнул один из бронированных.

Лена дернулась и крепче вцепилась в мой халат. Я погладила ее по голове, сосредоточенно разглядывая пол и искоса наблюдая за перемещениями нападающих.

Их было всего пятеро. В непрозрачных снаружи шлемах, рослые, массивные из-за брони и с высоты моих полутора с хвостиком метров казавшиеся особенно огромными. Двое у входа, один — наверху, на эстакаде, четвертый возле нас — сторожем.

Сильнее всего беспокоил пятый. Он маячил в опасной близости от макета, болтался между пультами и гравитационной ловушкой в центре зала, чем приковывал напряженные взгляды всего отдела. Потому что одно неосторожное движение...

Астрофизическая часть «Черного лебедя» занимается изучением черных дыр и создаваемых ими пространственных проколов. X-I Лебедя, вокруг которой вращается станция — это система из голубого гиганта и черной дыры, за которыми мы наблюдаем с помощью зондов. Макет же представляет собой микроскопическую черную дыру в гравитационно-вакуумной ловушке.

Если эти психи что-нибудь там соьют, в системе двух звезд ненадолго появится третья, еще одна маленькая черная дырочка. Становиться ее частью не хотелось никому, поэтому обстановка в зале была особенно нервной.

Если Део прав и это действительно «Последний день», ждать от них можно чего угодно. Религиозные фанатики, из психов психи. Идейные, с жесткой иерархией, готовые жертвовать собой и окружающими. Увы, чем больше мы узнаем о мире, тем с большим остерве-

нением некоторые темные личности начинают отрицать очевидное. То есть руководит ими, конечно, кто-то умный и зарабатывающий деньги, но рядовые исполнители...

В общем, я очень надеюсь, что им действительно что-то надо от правительства, а не просто уничтожить станцию с показательной казнью «пособников режима».

И как они вообще сюда попали, со всеми предосторожностями и учениями Гаранина?!

Тишину макетного зала нарушал только тихий гул антигравитационной установки; обычно незаметный, сейчас он сильно давил на нервы. Если террористы о чем-то переговаривались, то по внутренней связи, слышно для окружающих. Трое стояли почти неподвижно, словно и не люди вовсе. Еще двое порой ходили туда-сюда, и их шаги грохотали в гудящей тишине набатом.

Сильнее этих звуков выматывала только неопределенность.

Страшно мне... было. Всем было страшно. Део нервно сжимал кулаки — он мирный, милый, добрейшей души человек, но от страха или волнения делается злым и дерганым. И Майк храбрился, наверное, только ради девочек, и остальные мужчины инстинктивно втягивали головы в плечи, хотя держались.

Как и им, слишком бояться мне мешала Лена, которая успела удариться в истерику первой. Да и...

Стыдно паниковать. Начальник все-таки. Тетка, по отзывам, строгая, но справедливая. Надо же соответствовать народному мнению! И не трястись. И думать о хорошем. Нас наверняка спасут, служба безопасности на станции на высоте, а черный полковник хоть и вредный мужик, но офицер и не сволочь, до такой мести, конечно, не опустится.

Через некоторое время в движениях захватчиков как будто прибавилось нервозности. Трое стражей закрути-

ли головами, стали переступать с ноги на ногу. Двое у входа начали скупно жестикулировать, о чем-то споря.

— Василиса Аркадьевна! — тихо-тихо выдохнула Лена. — Что делать? Я... Я в туалет хочу... Очень.

— Лена, а потерпеть? — без особой надежды спросила я.

— Не могу уже... Я чаю напилась, и страшно еще!

— Заткнулись быстро! — отреагировал на наши перешептывания ближайший из бронированных.

Мгновение подумав, я медленно, стараясь не делать резких движений, подняла руку, как на уроке.

— Разрешите обратиться, господа налетчики!

— Чего тебе? — похоже, обращение подобрала правильно, террорист как минимум не выстрелил молча.

— Нам бы в туалет сходить.

— Под себя сходите! — рыкнул второй.

— Пожалуйста, а то девушка стесняется. Нам далеко не надо, вот в тот угол хотя бы, где пальмы.

— Василиса Аркадьевна!.. — сделала страшные глаза Лена, пунцовая от смущения.

— Бегом! — разрешил первый.

— По одной, — добавил второй.

— Так быстрее получится, честное слово. И без истерик, — предупредила я, поднимаясь на ноги и поднимая Лену.

— Бегом, — более добрый махнул рукой, и второй на этот раз не стал спорить.

— Василиса Аркадьевна, я же не смогу, здесь же...

— Лена, жить хочешь? Тогда не ной, — шепотом рывкнула я, едва ли не волоком таща аспирантку за собой в противоположную сторону макетного зала. Там имелся зеленый уголок — из мелкого гравия и негустого «подлеска» торчало несколько крупных декоративных растений.

Лена очень специфическая девочка. Она большая умница в том, что касается науки, но во всех других

сферах — слабое, неприспособленное к жизни существо. Капризный комнатный цветок, способный умереть от неосторожного взгляда. Что поделаться, отец растил ее один, души в дочке не чаял и защищал от всего мира. Перестарался.

Я присмотрела ее на четвертом курсе, взяла под крыло и в чем-то заменила ей мать — по возрасту-то вполне гожусь. Да и для меня Леночка стала уже совсем не чужой. Хотя, конечно, если у меня когда-нибудь появятся дети — при современной продолжительности жизни и технологиях регенерации я в свои сорок шесть еще о-го-го! — сделаю все, чтобы они не выросли похожими на Лену. Потому что мучиться, рожать, потом тратить годы и мегаватты нервных импульсов на воспитание ради того, чтобы дети эти убились, оставшись в двадцать лет без присмотра, — на мой вкус, бессмысленная трата времени.

Макетный зал высотой семь метров имеет форму цветка с тремя лепестками. В сердцевине расположена защищенная силовым полем платформа гравитационной ловушки, вокруг нее — плотная сетка приборов. Следующее кольцо — пульты и рабочие станции. На потолке по центру — ответная платформа ловушки.

Сердцевину на высоте трех метров окаймляет открытая эстакада, разделяющая лепестки на два яруса.

В одном лепестке на обоих уровнях — зеленый уголок. Во втором — сейчас сидели заложники, ярусом выше — сияла яркая, наглядная голографическая модель нашей системы, возле которой обычно работали астрофизики, изучавшие не черные дыры, а саму двойную звезду со всеми ее планетоидами. Третий лепесток занимали программисты и техники, а над их головами размещалась зона отдыха.

Входов в зале два, один над другим на разных уровнях, напротив зеленой зоны. И если основной шлюз не заметить сложно, то второй, ведущий в жилой отсек, ди-

зайнеры тщательно замаскировали теми же панелями «под дерево», что украшали весь верхний ярус.

Когда бабахнуло, малиновая от смущения Леночка как раз вылезла из-под кустов. Я опять обхватила ее одной рукой за плечи и потянула вниз, на пол, под ближайший пульт. Потому что гравитация опять скакнула: кажется, нас начали штурмовать.

Бабахнуло у второго выхода, хотя понять это при здешней акустике было сложно. Зашипело, захрюкало. Закричали девчонки. С противным хлюпом и грохотом брони на пол со второго яруса рухнул обгорелый труп террориста, прямо возле нас.

Леночка испуганно булькнула, я тоже поспешила отвернуться, борясь с подступившей к горлу тошнотой.

Надсадно взвыла вентиляция. Загрохотали бронированные ботинки.

Откуда-то слева дохнуло жаром. Запульсировал на грани ультразвука, пробирая холодом по спине, сигнал тревоги.

Вот сейчас мне стало по-настоящему страшно.

— Сиди тут, не высовывайся, — велела аспирантке. А сама, шипя под нос ругательства, на четвереньках переползла к соседнему, контрольному, пулту. Рабочее место оператора только что сжег чей-то «меткий» выстрел, но доступ к нужным узлам, к счастью, имелся не только там.

Чтобы не высовываться и не тратить зря время, я цапнула из ложементов нейроконтакт и забила под пульт, прилаживая липкий аморфный шарик к виску.

Не люблю нейротерминалы.

Установку я знала отлично. Все знали; не то оборудование, в работе которого можно позволить себе не разбираться. Экспериментальная, ненадежная, с открытыми контурами управления — это тебе не простой ядерный реактор, тут любое неосторожное движение может обернуться катастрофой. Ее поэтому и построили

ли здесь, на станции. Вернее, станцию построили во многом ради макета и там, где он уж точно не навредит человечеству. В худшем случае людям грозила только потеря «Черного лебедя».

И этот худший случай, похоже, наступил. Установка пошла вразнос. От выстрела выгорела часть генераторов, остальные работали на пределе мощности и готовились последовать за товарищами. Как назло, система аварийного сброса макета тоже не отвечала: автоматика заявляла, что люк заблокирован.

Начала подозревать, что именно в этом состояла цель террористов. Просто потому, что поверить в случайность такого стечения обстоятельств еще сложнее...

Судорожные попытки остановить катастрофу были прерваны резким рывком за плечо.

— Черную дыру в задницу, ты что делаешь?! Сказано — в укрытие! Гр-гражданские!..

Нейрик отреагировал на внешнее прерывание, и вместо системного интерфейса перед глазами возникло искаженное злобой лицо. Я не сразу поняла, что это не террорист, свой.

Надо же, и правда — спасать пришел. Сам.

— Я как раз пытаюсь этого избежать, не надо повышать на меня децибелы. И руку уберите.

Пальцы Гаранин разжал, кажется, только от неожиданности. Я успела схватиться за пульт, а то грохнулась бы обратно на пол. Оглядевшись и не обнаружив поблизости бронированных террористов, выдвинула себе из пола кресло. И отложила нейрик.

— Избежать чего? — все же спросил вояка.

— Черной дыры в заднице, — пояснила ему. — Но вы пока все-таки отдайте приказ об эвакуации станции, у меня таких прав нет. А то общая сигнализация, кажется, выведена из строя теми бравыми молодчиками.

Надо отдать должное черному полковнику, слушать он умел и соображать тоже. Не случайно дожил до сво-

их лет, хоть в этом нам всем повезло. Пока я пыталась договориться с установкой, Гаранин залаял в рацию. Фигурально выражаясь, конечно; просто у него очень резкий, грубый голос и отрывистая манера говорить. Если не вслушиваться, кажется, что где-то неподалеку лает здоровенный такой, злющий кобель. Интересно, это природные таланты или результат долгих тренировок по выработке командного голоса?

А еще полковник не лез под руку. То есть навис надо мной, упираясь одной ладонью в край пульта, второй — в спинку кресла, вперился в экраны с таким видом, словно что-то понимал в происходящем, но все это молча.

— Эвакуация окончена, — через несколько минут прозвучал над головой голос Гаранина.

— Шли бы вы тоже к шлюпкам, — через плечо предложила я.

— После вас, — возразил полковник.

Я искоса глянула на мужчину. Он выглядел поразительно спокойным и собранным, даже чему-то улыбался уголками губ.

— В таком случае предлагаю поучаствовать в эксперименте, — решила я, запуская эмуляцию другого рабочего места. Как все же удачно, что мне подвернулся именно контрольный пульт!

— Какого рода?

— Я отсоединю отсек от станции, так удастся сохранить все остальное оборудование. И запущу прототип. Может быть, он заработает, и мы тоже выживем.

— Запускайте, — легко согласился полковник. — Прототип чего?

— Генератора.

Гаранин все понял правильно и умолк, я даже разрешила себе немного отвлечься и вырастить для него кресло: почти везде на станции пол покрыт толстым слоем полиморфного материала, который позволяет та-

кие вот развлечения. Сложный прибор так не создашь, а мебель — запросто. На «Черном лебеде» другой вообще нет, все столы, кровати и стулья — из него.

«Отстрел», к счастью, прошел штатно, наш модуль переключился на самообеспечение и двинулся по заданной траектории к нужной орбите. Кажется, его немного клонило в сторону, но тут я положила на автоматику и маневровые двигатели.

Вокруг платформы гравитационной ловушки началось шевеление: приборы расползались в стороны, уступая место поднимающемуся из пола открытому тору, ошетиенному разнокалиберными наростами и петлями кабелей.

— Что это? — не выдержал полковник.

— Прототип, — прозвучало почти нежно.

Сомнения Гаранина можно понять: не участвуй я в создании этого агрегата, тоже не рискнула бы доверить ему жизнь. Да я бы и сейчас не доверила, но выбора не было.

То есть, конечно, был: сбежать, бросить станцию, спустить в черную дыру — в прямом смысле слова — несколько лет работы и прорву денег, вложенных в создание этого передового форпоста научной мысли. Деньги не мои, наработки можно восстановить, а я — не герой с горящим взглядом. Но... загубить «Черного лебедя» не поднималась рука.

Да и страх куда-то пропал. Вот как подключила нейрик, так и прекратили дрожать пальцы, перестал скакать пульс, мысли закончили зацикливаться вокруг возможных картин гибели. Стоило заняться привычным делом, и происходящее начало восприниматься как обыкновенный эксперимент, когда все просчитано, предусмотрены пути отхода, техника безопасности соблюдена, риски взвешены и заложены в программу испытаний с солидным запасом прочности. Никак не получалось осознать, что мои нынешние действия — буквально

самоубийство. Положиться на непроверенную теорию, довериться аппарату, который еще ни разу не запускали в рабочем режиме...

Мы ждали результатов с «ЧЛР-46», и только после их анализа собирались запустить прототип — наладив дальнюю связь, отодвинув модуль на безопасное расстояние от станции. Но чуть-чуть не успели.

Генератор басовито загудел. Я откинулась на спинку кресла: больше от меня, кажется, ничего не зависело.

— И что генерит этот генератор? — воспользовался паузой Гаранин.

— Вы слышали о белых дырах?

— Которые как черные, но наоборот? Но это вроде воображаемая штука, нет? — удивил меня полковник широтой собственного кругозора.

— Теоретически их существование возможно. И даже в какой-то мере неизбежно. По основной теории, белая дыра возникает на противоположном конце пространственного искажения, созданного черной дырой, в момент коллапса последней. Ну, проще говоря, при определенных условиях черная дыра схлопывается и выплевывает всю свою массу в другой точке Вселенной в виде потока элементарных частиц. Вот этот возникший буквально из ниоткуда поток и является белой дырой, которая, выдав единственный мощный импульс, перестает существовать. Такой себе маленький Большой взрыв. На похожем принципе, кстати, основаны двигатели дальнего сообщения, хотя далеко не все теории с этим согласны.

— То есть? Двигатели двести лет работают, а вы до сих пор не знаете как?

— Для того чтобы использовать результаты какого-то эффекта, совсем не обязательно знать точный механизм, — пожалала я плечами. — Человечество всегда так делает, во всех науках полно эмпирических зависимостей и коэффициентов.

— И куда нас выкинет эта штука?

— Теоретически — никуда, — осторожно ответила я. — Прототип должен... ну, будем считать, вывернуть нашу дырочку наизнанку и заставить ее коллапсировать. То есть она лопнет где-то там, а здесь мы получим белую дыру и зарегистрируем выброс материи. Теоретически.

— Значит, даже при штатном срабатывании и подтверждении всех прогнозов эта штука жахнет?

— Почему? — растерялась я.

— Потому что выброс вещества — это взрыв.

— Ловушка должна выдержать, — заверила я. — Еще сколько-то минут она проработает, а прототип уже почти вышел на расчетную мощность.

— Может, нам лечь?

— Вы, конечно, ничего, но сейчас точно не время и не место, — возразила я, искоса окинув мужчину оценивающим взглядом.

— Тьфу! — ответил Гаранин, но продолжить не успел.

Прототип натужно завыл, откуда-то посыпались искры. Мигнул и потускнел свет, ослабла гравитация — система жизнеобеспечения перешла на резервный контур. Я потянулась к пульту, но в следующее мгновение какая-то сила сдернула меня с места и впечатала в пол, да еще придавила сверху. Кстати, очень больно: если полиморф приятно пружинил, то броня начбеза на ощупь была очень твердой.

— Да что вы себе...

Но высказать возмущение до конца я не успела: по глазам ударило вспышкой, уши заложило от грохота, а потом навалилась темнота.

Глава 2

СРЕДНЕСТАТИСТИЧЕСКОЕ ЧУДО

Пробуждение оказалось под стать всем предыдущим событиям. Меня неласково тряхнули за плечо, рывкнули почти в ухо:

— Подъем!

Дернулась, села, одновременно открывая глаза и пытаясь сообразить, где я и что происходит. Причем очнулась с ощущением чего-то хорошего. Но, судя по окружающему, это самое «хорошее» было просто приятным сном и ничем больше. Сразу вспомнились и террористы, и искрящийся прототип, и как Гаранин швырнул меня на пол. Полковник и нависал надо мной сейчас.

Лучше бы наоборот: приснилось все это, а приятный сон оказался реальностью.

Впрочем, я придираюсь. Мы же живы, это само по себе чудо!

— Наконец-то, — проворчал Гаранин. — Вставай и пошли, пес знает, что у них тут водится. Надо найти укрытие до темноты.

— А где мы вообще? — спросила я, одергивая сбившийся халат. Обеими руками зарылась в волосы, хорошенько поворошила, вытряхивая какой-то мусор. В очередной раз мельком порадовалась, как удобны и практичны короткие стрижки, которые я носила со времен учебы.

Под ногами обнаружили остатки полиморфного пола станции. Почти правильный круг метров десяти в

диаметре с дымящимся остовом прототипа в середине лежал на какой-то поляне под синим, привычного земного вида небом с серо-белыми облаками. Между ветвей проглядывало светило, один в один Солнце.

Лес вокруг был редким, прозрачным и совсем не страшным. Цвет листвы показался скорее бирюзовым, чем зеленым, но в остальном деревья выглядели нормально, зелень под ногами казалась обыкновенным разнотравьем, да и земля с песчаными проплешинами ничем не удивляла.

— В лесу. Ходу!

— Какое красноречие. Спасибо, я уже догадалась. Ладно, к черту подробности! Какая это планета?

Но заговорила я на ходу, шагая следом за Гараниным. Как бы мирно все ни выглядело на первый взгляд, водиться тут могло что угодно.

Кстати, вполне вероятно, оно уже завелось в нас и потихоньку жрало изнутри. Комплексная прививка, конечно, самообучалась и потенциально была способна защитить от любой заразы и паразитов, но кто знает, как она сработает на практике!

— Это у тебя надо спросить, куда нас твоя установка забросила.

— Для начала можно сказать спасибо за то, что забросила она нас на поверхность пригодной для жизни планеты, — обиделась я за прототип. — По теории вероятности, это один шанс из триллиона, если не больше!

— Я просто счастлив, что эта хрень нас не угробила! — Гаранин в негодовании остановился и обернулся, угрожающе навис надо мной. Привычная жизненная несправедливость: надо мной не нависают только дети лет до двенадцати, а начбез, хоть и невысок для женщины, все равно не настолько мелкий. — Все вы, ученые, психи. На кой черт вообще работать с такой опасной установкой, которую нельзя просто вырубить?!

— Если бы в нее не начали палить, ничего бы не случилось!

— Если бы вы все действовали по инструкции, не пришлось бы спасать ваши задницы! — парировал черный полковник.

— Если бы вы не дергали всех своими учебными тревогами, мы экстренную ситуацию не посчитали бы очередной вашей блажью!

— Если бы вы хоть раз уложились в норматив, не приходилось бы повторять раз за разом!

— Мы ученые, а не солдаты!

— Прекрасно! Изучай! — Он широко повел ладонями, кажется, имея в виду окружающий лес. — И скажи, где мы теперь находимся!

— Я астрофизик, а не биолог, — упрямо поправила его. — Могу заверить, что местная звезда — желтый карлик, спектрального класса...

— Я восхищен! — перебил полковник, негодуя всплеснув руками.

Пару секунд мы с ним мерились взглядами, после чего Гаранин сплюнул под ноги, опять развернулся и зашагал через лес. Мне ничего не оставалось, как двинуться следом.

Поговорили. Не с той ноги он, что ли, встал? А вчера, то есть на станции, такое хорошее впечатление произвел, я даже подумала, что зря мы его солдафоном называли! Но нет, солдафон и есть.

Конечно, если совсем честно, доля истины в его словах имелась. И немалая доля. Инструкцию мы действительно нарушили, и это действительно привело к печальным последствиям. Я раньше даже готова была признать его правоту и извиниться по меньшей мере от лица своего отдела. Но сейчас передумала. Терпеть не могу, когда на меня голос повышают. И крикунов благодаря отцу не люблю с детства, а Гаранин, похоже, из них. Жаль.

Полковник шагал твердо и уверенно, не оглядываясь и не проверяя, иду я за ним или нет. Заданный темп поддерживать было трудно, но окликать и о чем-то просить? Да вот еще. Не после всех его претензий.

Некоторое время я шла, мысленно ворча на начбеза. Потом... не то, наконец, проснулась, не то настигло осознание произошедшего, не то — все и сразу.

Это ведь чудо, самое настоящее чудо, что мы до сих пор живы. И террористы — сущая мелочь в сравнении со сработавшим прототипом. Правда, как именно сработавшим — непонятно, но везение фантастическое.

Только самая большая проблема состоит в том, что везти постоянно не может. И вполне вероятно, что лучше было погибнуть сразу.

Этот мир может оказаться враждебным. Возможно, мы уже больны чем-то по-настоящему страшным, что кончится мучительной смертью. Вон Гаранин уже проявляет агрессию. Пока борется с собой, но все же — вдруг это симптом?

И даже если нет, мы ведь можем оказаться где угодно. В галактике на другом краю Вселенной, в совсем другой Вселенной или в нашей, но в другом времени. На миллионы лет вперед или назад. Я не возьмусь даже гадать, какое именно пространственно-временное искажение создал прототип и куда нас зашвырнул!

А если так, есть ли смысл цепляться за жизнь?

С такими мыслями переставлять ноги становилось труднее с каждым шагом, я начала отставать. Подумалось, что, вероятно, это и к лучшему: потеряюсь, пойду на корм местной живности. Надеюсь, она не отравится...

Я так углубилась в вязкие, унылые мысли, что совершенно перестала смотреть по сторонам. Очнулась, только врезавшись в Гаранина, который остановился и обернулся, явно поджидая меня.

Точнее, врезалась бы — мужчина поймал за плечо чуть раньше.

— Привал, — скомандовал коротко.

Я равнодушно кивнула, так же равнодушно уселась на какой-то камень, куда махнул рукой полковник. Не спрашивая о безопасности, приняла из рук начбеза мешочек из какого-то эластичного материала, наполненный водой из реки. Сделала несколько глотков, вернула остатки — только для того, чтобы Гаранин вылил их мне на голову.

Негодующе вскрикнула, дернулась, едва не упала с камня.

— Ты рехнулся?! — подскочила я. — Что ты делаешь?!

— Бужу.

— Солдафон! Тупое животное! — выдохнула, в бесильной злобе сжимая кулаки. Не бить же его по броне, в самом деле! Потом не выдержала и все-таки замахнулась, пытаясь отвесить пощечину.

Полковник легко перехватил мою ладонь, потом вторую, ловко завел руки за спину, оставив возможность только отбивать о броню ноги, брыкаться и ругаться.

Чем я и воспользовалась. Вложила в длинную тиряду все, что думала о Гаранине с его методами, а потом... Потом силы меня вдруг оставили. Я поняла, что едва стою на ногах, а больше вишу в руках мужчины — колени подогнулись от слабости. А еще... плачу? Я что, правда плачу?!

Нервно, судорожно всхлипнула. Начбез ослабил хватку, развернул меня к себе лицом, обнял одной рукой, другой — неловко погладил по голове, позволив уткнуться лбом в твердое бронированное плечо.

— Ну вот, другое дело, — спокойно заметил полковник. — А то я начал думать, что что-то с тобой не так.

— А что, это вот — так? — пробормотала я. Отстранилась, чтобы вытереть щеки рукавом халата. Было нелов-

ко от такой сцены и не по себе от невозмутимости Гаранина. — Я с пяти лет, по-моему, не плакала...

— Когда лабораторная девочка в момент смертельной опасности действует с точностью боевого дроида, это наводит на мысль, что у нее с головой не в порядке, — отозвался мужчина. — Полбеды, если она просто шизоид. А если от страха умом тронулась? Я все думал, как тебя проверить. Но у тебя, оказывается, просто отложенная реакция на стресс. Вот этот ступор и истерика уже больше похожи на нормальный откат.

— Наорали вы на меня после пробуждения ради проверки? — спросила хмуро, все еще избегая смотреть на мужчину и озираясь по сторонам.

Остановились мы у небольшой речки — узкой, темной, быстрой. Она бежала по крупным камням вроде того, на котором я сидела, и пахла тенистой сыростью. Все как на Земле. Даже, можно сказать, хорошо, если бы точно знать, что мы находимся на территории Союза.

— Отчасти, — со смешком подтвердил полковник. — Наорать мне хотелось на вас всех, давно. А тут не сдержался.

Признание далось мужчине удручающе легко. Похоже, он и правда не видел в этом ничего ужасного и повышение голоса на окружающих полагал нормальным. Досадно. Но... что поделать, другого спутника у меня нет. Лучше пусть кричит, чем руки распускает, в самом деле. Потерплю как-нибудь.

— А как же серьезная подготовка и боевое прошлое? — все же спросила я, внутренне опасаясь лишиться еще и этой надежды. Такие про него легенды рассказывали! Неужели окажется, что полковник — штабная крыса? Да нет, не должен, слишком уж уверенно себя ведет...

— Потому и не сдержался. — Гаранин жестом велел следовать за ним и зашагал дальше вдоль реки. Прогло-

тив тяжелый вздох и поморщившись от оплетающей ноги усталости, я послушалась. — В боевом прошлом таких под трибунал отправляли за неподчинение приказам.

— То есть правду болтали, вы действительно во всех последних конфликтах участвовали? И награды имеете?

— Не во всех, — поправил полковник.

Я подождала, но продолжения и пояснений не последовало. Похоже, вспоминать об этом сейчас начбезу не хотелось. Или дело в том, что он в принципе не очень общительный тип?

— А куда мы идем? — решила я сменить тему.

Говорить на ходу оказалось трудно, сбивалось дыхание, но молчать тем более не хотелось. Слишком свежи еще были следы слез на щеках, и я опасалась, что, предоставленная самой себе и мрачным мыслям, могу опять не сдержаться. Теперь уже не из-за истерики, а осознав здравым умом всю безнадежность нашего положения.

— Туда, — Гаранин махнул рукой вниз по течению ручья. — Я, когда осматривался, нащупал там что-то интересное, похожее на следы цивилизации.

Осматривался он, надо полагать, не буквально, глазами, а с помощью какой-то техники.

— Нас что, выкинуло на обитаемую планету?! — не поверила в такую удачу.

— Дойдем — узнаем. Как тебя зовут-то хоть, лабораторная девочка?

— Василиса Аркадьевна, — ответила без особой надежды, что мужчина воспользуется полным именем. — А вас?..

— Захар. Можно Зар. И на «ты», не на пленэре.

— При чем тут пленэр? — опешила я.

— Ну там же все друг другу выкают и вежливые, — нехотя ответил Гаранин, хмуро глянув через плечо.

— На пленэре рисуют, там не выкают, — пояснила осторожно. — Это живопись на открытом воздухе. Может, вы раут имели в виду?

— Да пес с ним.

И опять — поговорили.

Насколько же сложный все-таки человек. Не верится, что у них с Баевым есть что-то общее! Что значит разные рода войск, разные обстоятельства службы и разные характеры, а! Денис Александрович — интеллигентный, порядочный до кончиков пальцев, ну просто офицер из старинных романов времен дуэлей и легкой кавалерии. Всегда вежлив, предупредителен, никто от него грубого слова не слышал, при этом слушались беспрекословно и решительно все. Был бы чуть помоложе и не так безнадежно женат, я бы точно влюбилась.

А Гаранин... В общем, никакого сравнения.

Впрочем, я сама тоже не литр сахарозы. Ну резкий он, путает пленэр с раутом, зато про белые дыры слышал. Но главное, умеет выживать среди дикой природы, в отличие от меня, и не бросает балласт в лице навязчивой... лабораторной девочки.

— Захар, а расскажите, что случилось на станции? Ну, до того, как я запустила прототип. Что было нужно этим людям? Выкуп?

— Официально — да, — против этой темы Гаранин явно не возражал. И даже на удивление не стал напоминать о том, что в успешном захвате виноваты бестолковые гражданские. — Но для этого они выбрали наиболее неподходящее время и место, а еще были слишком хорошо подготовлены: знали коды безопасности станции.

— И что это значит?

— Много вариантов, — пожал плечами полковник. — Дело точно в больших деньгах. Либо только в них и в каких-то исследованиях, которые вы проводили, либо

еще и политика замешана. Но оставлять персонал в живых явно было не в их интересах.

— Погодите, но тогда выходит, что персонал в спасательных капсулах должен был стать чьей-то добычей? И этой командой мы только поспособствовали исполнению плана?! — осознала я, и по спине пробежал противный холодок. — Не один же корабль у нападающих!

— Не один. — И без того всегда кажущийся хмурым Гаранин заметно помрачнел. Похоже, именно эти мысли и не давали ему покоя. Ладно, мы вроде как живы, повезло; но что с остальными? Я-то была уверена, что все в безопасности, а выходит...

А что — выходит? Можно подумать, имелись другие варианты!

Имелся. Не отвлекаться на эвакуацию, сразу сообразить и отстыковать макетный зал, тогда все остались бы на станции, и... и что? Вряд ли те, кто на нас напал, не предусмотрели этот вариант.

— Захар, а если бы персонал остался на станции, у них было бы больше шансов? — тихо спросила я через десяток шагов.

— Не знаю. Я не знаю, сколько кораблей у «Последнего дня», чего они хотели и по какому плану действовали. Высадились с одного транспортника, который прислал сигнал бедствия и попросил разрешения на стыковку. Потом, когда мы их заблокировали на шлюзовой палубе, присосалась еще пара десантных капсул, до того замаскированных. Готовились они ловить капсулы и держали наготове еще несколько кораблей или хотели разом уничтожить всю станцию — не знаю. Может, я вообще не прав, и ничего уничтожать они не хотели, а план состоял в другом. Не знаю, Вась. Можно только гадать. Но у рассеянной группы шансов выжить обычно больше. В смысле у какой-то ее части. Так что... — Гаранин передернул плечами.

— Ясно. Не называй меня так, пожалуйста.

— Как? — не понял полковник.

— Хочешь сокращать — Леся, Лиса, Лися.

— Почему? — опешил мужчина.

— Потому что, если будешь называть меня Васей, имеешь все шансы при первом же удобном случае не проснуться.

— Какая ты свирепая, — рассмеялся Гаранин — так же неприятно, лающе, как говорил. Но угрозу, кажется, всерьез не воспринял. — Нет, Вася больше подходит.

— А если я тебя Харей буду называть? — возмутилась я.

— Да плевать. Зато смотри, как ты сразу выкать перестала! Чем тебя Вася-то не устраивает?

— Не люблю, — коротко огрызнулась я.

— В детстве, что ли, дразнили?

— Если скажу «да», это что-то изменит?

— Нет.

Ну вот, и снова — поговорили. Определенно, мне с этим человеком лучше молчать. Не зря мы его всей станцией избегали. Скорее бы уже дойти и...

А что, собственно, «и»? Я абсолютно уверена, что мы оказались не просто на поверхности кислородной, пригодной для жизни планеты, населенной разумными существами, но еще и входящей в Союз? Что нас сейчас тепло встретят, обрадуются и отправят домой? И Гаранина я больше никогда не увижу, поэтому можно позволить себе не искать с ним общий язык?

Стыдно признаться, но, кажется, да, именно в этом я и была уверена. Каким бы невероятным ни казалось подобное везение, принять как данность нашу с полковником оторванность от остального человечества по-прежнему не получалось.

Нет, пора уже потихоньку свыкаться с мыслью, что мне с этим человеком предстоит выживать вдвоем и ру-

гаться с начбезом — последнее дело. Надо искать подход.

Правда, что ли, переспать с ним для уменьшения взаимной неловкости?

Я оценивающе оглядела стриженный затылок полковника. Если смотреть непредвзято, Гаранин весьма неплох. В отличной физической форме как минимум. Не красавец, да и обаятельным его назвать сложно, но и не противный. Никакой, честно говоря. Темные волосы, темные глаза, обыкновенное лицо с грубыми, тяжеловатыми чертами. Да у него, пожалуй, весь характер на этом лице написан, достаточно один раз взглянуть, чтобы понять: легко с ним не будет.

С другой стороны, во всем этом тоже есть определенная харизма. Суровый, властный мужчина, который привык командовать и способен убить недогнувшей рукой. Жаль только, что я всегда предпочитала совершенно других мужчин. Не люблю, когда мной командуют.

Тьфу, ну и глупости же в голову лезут! Даже если бы Гаранин мне очень нравился, обстановка все равно не располагает к интиму. Ну не под ближайшим же кустом нам устраиваться, в самом деле!

Представила себе реакцию полковника, когда я пристану к нему с непристойными предложениями на ближайшем привале, — как начбез начнет вырываться, отбиваться и пытаться спастись бегством. С визгом.

Развеселилась, даже идти стало легче.

Про бегство я, конечно, утрирую, Гаранин — мужик сильный и подготовленный, скрутит только так. Но точно решит, что я умом тронулась от страха. Нет, все-таки нужно искать другие пути и, главное, за собой следить, не огрызаться по пустякам. В общем, постараться привыкнуть к его манере разговора и — смириться.

Некоторое время я шла, пытаюсь выбрать достаточно нейтральную тему для разговора. О службе расспраши-

вать не стоит, если воевал — скорее всего, воспоминания будут не из приятных. Тем более что один раз полковник уже от этого разговора ушел, второй раз пытаться пока не стоит. О семье и домашних тоже лучше не спрашивать, вся станция и так в курсе, что он не женат, а выяснять подробности — только душу травить. Это у меня, кроме Леночки, близких, считай, нет, а Гаранин, может, о ком-то скучает и переживает, что никогда больше не увидит.

Окажись тут кто-то из моих, можно было бы обсудить происшествие, построить теории. Но я догадывалась, что на это ответит полковник: или что мне виднее, поскольку моя установка, или что нет смысла гадать, все равно никаких данных. И планету эту тоже толком не обсудишь, мы о ней ничего не знаем.

А впрочем...

— Захар, а у тебя в броне есть какие-то полезные приборы? — Я снова догнала мужчину и зашагала рядом, чтобы не разговаривать с его затылком. — Откуда ты знаешь, что воздух тут пригоден для дыхания, а воду можно пить?

— Своевременный вопрос, — усмехнулся полковник.

— Ну, лучше поздно, чем никогда. — Я твердо намеревалась следовать своему решению и не ввязываться в глупые споры, поэтому ответила спокойно и уклончиво. Пока он не кричит, я точно способна держать себя в руках, как бы ни хотелось ответить колкостью. Проверено.

— Есть, — кивнул мужчина. — Это стандартный комплект, он при необходимости выполняет функции легкого скафандра — в вакууме и при высадке в не очень агрессивные среды. Тут и радиацию есть чем померить, и микробов проверить, и обеззаразить тоже.

— А террористы в таких же были? Мне не показало?

— У них следующая модель. Но контора та же. Таких скафандров вообще по Союзу и за пределами как пыли, удачная модель получилась.

— А почему вам новые не выдали? — полюбопытствовала я. За службу безопасности станции стало немного обидно.

— А зачем? — Он пожал плечами. — Там уже лет двадцать отличие только в дизайне и разных свистоперделках, которые на работоспособность не влияют.

— И броня не тяжелая? Или там какие-то усилители есть?

— Ну, ты бы, пожалуй, далеко не ушла. — Гаранин окинул меня скептическим взглядом. — С другой стороны, детских размеров у брони в принципе не бывает.

— А если в килограммах?

— В половину тебя, — не изменил полковник собственной манере. — Около двадцатки.

— Слушай, скажи честно, зачем ты меня дразнишь? — спросила я со вздохом. — Ну ведь намеренно же. Взрослый мужик, а ведешь себя как малолетний хулиган, который не знает, как выразить девочке симпатию.

Захар покосился с насмешливой полуулыбкой, неопределенно повел плечами.

— Ты забавная, — наконец решил полковник. — На воробья похожа. Сердитый воробей — это весело.

— Прекрасно. Единственный человек на многие миллиарды световых лет в округе не может придумать ничего умнее, как веселиться за мой счет!

— А почему нет? — Мужчина вновь пожал плечами, и я подумала, что разговор на этом опять окончен. Но полковник неожиданно продолжил, очень спокойно и серьезно: — Когда сердисься или смеешься — не до лишних мыслей и не до паники. Ты держись хорошо, но не верю я, что не сорвешься. Это пока еще до тебя не дошло, в какой мы заднице.

— Да уж дошло, — поморщилась я. — Давай ты лучше будешь считать меня шизоидом, чем вот это все, ладно? Раз уж мы с тобой обречены на совместные скитания, вероятно, до конца жизни, не хочется ругаться, а я тебя такими темпами скоро ненавижу начну.

— Считать я тебя могу кем угодно, на возможности истерики это не скажется.

— Скажется, потому что это близко к истине. Я по жизни немного эмоционально заторможенная и очень рациональная, — пояснила терпеливо. — И муж со мной из-за этого развелся, и после я предпочитала в долгие отношения не вступать. С любовниками проще, им внимание за пределами постели не нужно.

— А зачем он тогда вообще женился?

— Да я откуда знаю? Наверное, думал, что ради мужа брошу работу и перестану там дневать и ночевать. Это вы только на словах грозные и хочется вам такую жену, которая не мешается под ногами. А по факту нужна та, которая окружит заботой и соплю подтирать станет... Стоп, нет, я несправедлива. Такая нужна была Антону, с другими я не проверяла.

— А ты зачем замуж пошла?

— Молодая была, глупая, влюбилась. Надеялась, что не придется выбирать.

Гаранин покосился с каким-то очень странным выражением в глазах, малость стеклянным, задумчиво кивнул:

— Вась, а лет-то тебе сколько?

— Сорок шесть, — призналась честно.

Полковник запнулся буквально на ровном месте. Я качнулась — подхватить его под локоть, но вовремя опомнилась и отдернула руки. Ну да, удержу я его, как же! Только сверху прилечу, если отцепиться не успею.

И правильно не полезла, мужчина и так устоял.

— Серьезно? Я думал, лет двадцать...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Маленький Большой взрыв	5
<i>Глава 2.</i> Среднестатистическое чудо	19
<i>Глава 3.</i> Рыбохотпчелоконтроль	42
<i>Глава 4.</i> Культурный барьер	65
<i>Глава 5.</i> Первое свидание	86
<i>Глава 6.</i> Абстинентный синдром	103
<i>Глава 7.</i> Дрожь земли	124
<i>Глава 8.</i> Лекарство от скуки	145
<i>Глава 9.</i> Приключения полковника	168
<i>Глава 10.</i> Побег из муравейника	187
<i>Глава 11.</i> Депортация	207
<i>Глава 12.</i> Вопросы науки	227
<i>Глава 13.</i> Совместимость	246
<i>Глава 14.</i> Родные лица	263